

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Научная статья

УДК 343.8

Doi: 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).3.288-294

ПРЕДПОСЫЛКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Вера Александровна Казакова^{1, 2}

¹ Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия, vera1313@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7453-6201>

² Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются понятие пенитенциарной безопасности, ее место в системе национальной безопасности, а также предпосылки снижения уровня пенитенциарной безопасности в сфере уголовно-правового регулирования. Отмечается связь между уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и пенитенциарной безопасностью, ее «вторичность», зависимость от реализации целей и эффективности уголовного, административного и уголовно-процессуального законодательства. Выявляются его взаимные противоречия, лакуны, которые выступают причинами низкой эффективности наказаний и снижения уровня пенитенциарной безопасности. На основе применения методов сопоставительного правоведения, системного анализа, формально-юридического анализа текста, грамматического и логического толкования на примере административно-правовых и уголовно-правовых запретов о распространении заведомо ложной информации констатируется наличие необходимости совершенствования пенитенциарной безопасности путем гармонизации всех видов законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: пенитенциарная безопасность, контркриминальная безопасность, система наказаний, заведомо ложная информация, Европейский суд по правам человека

Для цитирования

Казакова В. А. Предпосылки обеспечения пенитенциарной безопасности // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17(1–4), № 3. С. 288–294. DOI : 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).3.288-294.

THEORY OF PENAL LAW

Original article

PREREQUISITES FOR ENSURING PENITENTIARY SECURITY

Vera Aleksandrovna Kazakova^{1, 2}

¹ Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, vera1313@yandex.ru,
<http://orcid.org/0000-0001-7453-6201>

² All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the consideration of the concept of penitentiary security and its place in the national security system. The prerequisites for reducing the level of penitentiary security in the field of criminal law regulation are considered. The connection between criminal law, criminal procedure and penitentiary security is traced. It is noted that it is «secondary», dependent on the implementation of the goals and effectiveness of criminal, administrative and criminal procedure legislation. Its mutual contradictions and lacunae are revealed, which act as prerequisites for the low effectiveness of punishments and reduce the level of penitentiary security. Based on the application of methods of comparative jurisprudence, system analysis, formal legal analysis of the text, grammatical and logical interpretation on the example of administrative-legal and criminal-legal prohibitions on the dissemination of deliberately false information, it is stated that there is a need to improve penitentiary security by harmonizing all types of legislation and practice of its application.

Keywords: penitentiary security, anti-criminal security, system of punishments, knowingly false information, European Court of Human Rights

For citation

Kazakova, V. A. 2022, 'Prerequisites for ensuring penitentiary security', *Penal law*, vol. 17(1–4), iss. 3, pp. 288–294, doi : 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).3.288-294.

Понятие пенитенциарной безопасности, как и безопасности вообще, слишком многопланово. Оно содержит как сущностные, так и методологические аспекты, может оцениваться как процесс и как результат, испытывает влияние со стороны национальной и международной безопасности, в свою очередь, являясь их компонентой.

Если исходить из определения безопасности как «состояния субъекта и среды, которые позволяют субъекту существовать, нормально функционировать и развиваться» [1, с. 56], то пенитенциарная безопасность характеризуется определенным противоборством. С одной стороны, это угрозы, определяемые объективными и субъективными условиями исполнения и отбывания различных наказаний, личностными особенностями осужденных и сотрудников уголовно-исполнительной системы, а также качеством ее правового регулирования, с другой – эффективность противостояния этим угрозам. Стабильное состояние защищенности или неизменный уровень безопасности представить трудно, так как соотношение воздействия негативных факторов и их нейтрализации постоянно меняется. Главным при этом является правовое регулирование пенитенци-

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

арной системы, составляющее основу практических мер повышения уровня ее безопасности. В зависимости от его качества оно может влиять положительно или отрицательно. Кроме того, как всякая социально значимая пенитенциарная система, она не свободна от воздействия со стороны иных систем политического, экономического, социального, культурного свойства. В силу этого в литературе пенитенциарная безопасность характеризуется с позиций ее внутренней и внешней составляющих [2, с. 37]. Внутренняя безопасность зависит от эффективного правового регулирования и практики исполнения и отбывания наказаний, а внешняя – определяется уровнем угроз, исходящих из пенитенциарной системы в отношении общества. Яркий пример взаимозависимости пенитенциарной безопасности и международной обстановки – это решение украинских властей об освобождении из украинских тюрем и следственных изоляторов бывших военных, изъявивших желание защищать страну во время военного положения [3]. Специалисты прогнозируют, что «это будет мародерское движение, которое уйдет в леса и будет промышлять банальным грабежом» [4].

Фактический уровень пенитенциарной безопасности обеспечивается далеко не только адекватным уголовно-исполнительным законодательством и практикой его применения. Определяющее воздействие на пенитенциарную систему оказывает вся система российского законодательства, во всяком случае, значительный ее сегмент, включающий в себя конституционное, уголовное, уголовно-процессуальное, административное и даже международное законодательство. На стабильность пенитенциарной системы, безусловно, оказывает влияние экономика. Так, смена общественно-политической фармации в России, появление многоукладной экономики внесли противоречия в регламентацию труда в местах лишения свободы, которые до сих пор не преодолены. Необеспечение занятости осужденных трудом – одним из основных средств их исправления – пагубно сказывается на пенитенциарной безопасности и эффективности исправления [5].

Недостатки, противоречия, пробелы, в особенности в отраслях криминального комплекса, проявляются в нарушении принципов правового регулирования на любой стадии уголовного процесса – при расследовании, судебном рассмотрении, исполнении приговора, ресоциализации освобожденных от наказания. Пенитенциарная безопасность, находясь практически в конце этой цепи взаимовлияющих компонентов, в большей мере, чем другие виды контркриминальной безопасности, испытывает негативное влияние несовершенства правового регулирования деятельности правоохранительных органов. Эта внешняя оболочка пенитенциарной системы, выступающая предпосылкой ее эффективности, может быть более значима, чем сам механизм исполнения и практика отбывания наказаний.

Основными элементами (объектами) правового регулирования в пенитенциарной системе, безусловно, являются система наказаний, каждый ее вид, механизмы исполнения и отбывания наказания, алгоритмы их взаимодействия. При этом уголовно-правовая регламентация первична, а уголовно-исполнительная – вторична, зависима от рамок, установленных Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ). Изъяны существующей системы наказаний общеизвестны.

1. Ранжирование наказаний в ст. 44 УК РФ неадекватно их карательному потенциалу. Так, штраф (п. «а» ст. 44), заявленный как самый мягкий вид, по своим размерам имеет значительный разброс от 5 тыс. до 5 млн руб. или, в случаях его кратного исчисления, от 25 тыс. до 500 млн руб. В силу этого он предусмотрен в качестве основного наказания в преступлениях любой категории, в том числе в особо тяжких. Возможность взыскания штрафа с родителей или иных законных представителей лица, совершившего престу-

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

пление в несовершеннолетнем возрасте, с их согласия противоречит сразу двум принципам уголовного права – личной ответственности и принудительности. В ряде статей штраф явно несоразмерен последствиям преступления. Так, за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности, причинившее крупный ущерб (ч. 2 ст. 169 УК РФ), он предусмотрен в размере до 250 тыс. руб., в то время как нижняя граница этого крупного ущерба составляет 1,5 тыс. руб.

2. Ограничение свободы (п. «з» ст. 44 УК РФ), рассматриваемое как более строгое, чем, например, обязательные и исправительные работы, по своим правоограничениям близко к домашнему аресту и, по сути, мягче любого другого наказания.

3. Нахождение в перечне наказаний ареста (п. «и» ст. 44 УК РФ) ничем не оправдано, так как с 1996 г. он так и не введен в действие.

4. Альтернативность принудительных работ по отношению к лишению свободы, заявленная в ст. 53.1 УК РФ, исключает возможность их назначения за некоторые виды преступлений, где они включены в санкцию в отсутствие лишения свободы (например, в статьях о разных видах мошенничества – ч. 1 ст. 159.1, ч. 1 ст. 159.2, ч. 1 ст. 159.3, ч. 1 ст. 159.5, ч. 1 ст. 159.6, ч. 1 ст. 200.1, ч. 1 ст. 207 УК РФ). В некоторые санкции принудительные работы включены наряду с лишением свободы, срок которого предусмотрен от 5 лет, что также противоречит ст. 53.1 УК РФ (например, ч. 3 ст. 236, ч. 4 ст. 296 УК РФ). Причем законодатель копирует это несоответствие с завидным постоянством при включении в Кодекс новых норм. Так, ст. 207.3 «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации», введенная в УК РФ Федеральным законом от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ, в санкции части второй дублирует эту ошибку.

5. Упразднение нижних границ лишения свободы в санкциях многих статей привело к необоснованно широким пределам назначения этого наказания за ряд особо тяжких преступлений. Например, за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 4 ст. 111 УК РФ), вполне законно может быть назначено от 2 месяцев до 15 лет лишения свободы.

6. Патовая ситуация со смертной казнью многократно описана в юридической литературе [6]. Из-за отсутствия однозначного мнения о целесообразности или нецелесообразности восстановления такого вида наказания в российской практике споры по этому поводу будут продолжаться вплоть до легитимного законодательного решения этого вопроса.

7. Рассистематизированы институты освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания. Первоначально решение вопроса об освобождении от ответственности и наказания было правом суда и правоохранительных органов с наличием альтернативного выбора – освободить или не освободить. При расширении видов освобождения законодатель использовал иную формулировку: наряду со словосочетаниями «лицо может быть освобождено», «суд может отсрочить» появилось словосочетание «лицо освобождается», означающее безальтернативное освобождение при соблюдении предусмотренных условий. Таким образом, основанием освобождения стало не положительное постпреступное поведение, а совершение преступления экономической направленности и возмещение ущерба (ст. 76.1 УК РФ), что больше напоминает индульгенцию, а не проявление гуманности. Кроме того, объем кары такой меры, как судебный штраф, и отнесение ее выбора к исключительной прерогативе суда не соответствует понятию «освобождение от ответственности», а ближе к институту освобождения от наказания.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Приведенные примеры иллюстрируют возможность назначения наказания с игнорированием таких принципов уголовного права, как законность, справедливость, равенство граждан перед законом, гуманизм. Это, в свою очередь, негативно отражается на эффективности процесса исполнения наказания, то есть снижает уровень пенитенциарной безопасности. Аналогичные примеры противоречивости, лакунов, нормативной избыточности можно приводить в сфере не только уголовного, но и административного, уголовно-процессуального российского законодательства и иных его отраслей.

Все больше коллизий создается из-за наличия сходных правовых запретов в УК РФ и КоАП РФ. В КоАП РФ есть комплексная норма о злоупотреблении свободой массовой информации (ст. 13.15). Комплексность статьи, содержащей одиннадцать частей, некоторые из которых структурированы по пунктам, связаны с различными видами информации: не разрешенной к распространению из-за вредоносности ее содержимого (ч. 1, 2), ограниченной по этическим мотивам, связанным с личностью (ч. 3), с неуважительной оценкой судьбоносных для России исторических событий (ч. 4), содержащей сведения, посягающие на общественную безопасность, – инструкции по изготовлению оружия (ч. 5), положительную оценку террористической деятельности (ч. 6), содержащей государственную или иную специально охраняемую законом тайну (ч. 7), содержащей сведения о незаконном распространении алкогольной продукции (ч. 8). В ч. 9, 10 содержится запрет на распространение информации, которая обладает определенными признаками: она заведомо недостоверна и общественно значима, а также представляет угрозу жизни и безопасности граждан как прямо, так и косвенно путем распространения сведений о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств. О той же по содержанию информации идет речь в ст. 207.1–207.3 УК РФ. Более того, наступление смерти человека, причинение вреда его здоровью и иных тяжких последствий охватывается как административно-правовыми, так и уголовно-правовыми нормами. В Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утвержден 30 апреля 2020 г. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации), разграничение проводится по субъекту правонарушения: юридические лица несут административную ответственность, физические – уголовную. Такое разъяснение было бы понятным для правоприменителя, если бы не административно-правовой запрет по ч. 11 ст. 13.15 КоАП РФ, в которой субъектами повторного административного правонарушения, предусмотренного ч. 10, 10.1 или 10.2, наряду с юридическими лицами называются граждане, которые могут быть наказаны административным штрафом в размере от 300 тыс. до 400 тыс. руб. с конфискацией предмета административного правонарушения или без таковой. Парадокс или юридическая фикция нормы состоит в том, что если граждане не могут быть первоначально привлечены к ответственности за такие действия, то их правонарушение никак нельзя будет назвать повторным.

Одной из проблем пенитенциарной проблематики, свидетельствующей, кроме всего прочего, об их значимости не только для внутренней политики России, но и для развития международных отношений, является рассмотрение жалоб осужденных в Европейском суде по правам человека (ЕСПЧ). Доля обращений, связанных с нарушениями ст. 2, 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, провозглашающей право на жизнь или запрещение пыток, а также бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, составляет около 11 % всех обращений. По данным за 2018 г.,

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

доля России в жалобах осужденных в ЕСПЧ составляла около 60 % [7]. По данным за 2021 г., эта доля уменьшилась вдвое и составила свыше 17 000 [8, 9]. Тем не менее ежегодно Россия выплачивала по постановлениям ЕСПЧ сотни миллионов рублей. Внесение поправок в Конституцию Российской Федерации, закрепляющих ее приоритет в международном праве, породило идею о выходе из ЕСПЧ и создании его российского аналога. Однако однозначного мнения относительно целесообразности этого, по-видимому, пока нет [10]. В настоящее время в связи с выходом России из Совета Европы с 16 марта 2022 г. Страсбургский суд не будет принимать новых жалоб от российских граждан, но обязан будет рассмотреть уже поданные вплоть до утверждения выхода России из этой организации, что предполагает относительно длительную процедуру.

Таким образом, проблема пенитенциарной безопасности весьма многогранна. Ее решение возможно путем совершенствования права, создания новых политических институтов, а также научного осмысления этой сложной проблематики.

Список источников

1. Иншаков С. М. Основы теории национальной безопасности. М. : Кнорус, 2021. 363 с.
2. Галузин А. Ф. Правовая и пенитенциарная безопасность. Соотношение понятий // Правовая безопасность в пенитенциарной системе: понимание, структура, обеспечение : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. Ф. Галузина, Р. А. Ромашова. Самара : Самар. юрид. ин-т ФСИН России, 2012. С. 34–42.
3. Рыбина С. Сеть: «Это же просто ад!» – Украина выпустила уголовников из тюрем. URL: <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/News/3518878.html> (дата обращения: 27.02.2022).
4. Сокирко В. Зачем Киев мобилизует в армию заключенных // Gazeta.ru. 2022. 28 февр. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2022/02/28/14584591.shtml> (дата обращения: 28.02.2022).
5. Упоров И. В. Привлечение к труду осужденных к лишению свободы в российских пенитенциарных учреждениях до и после распада СССР: тенденции и правовое регулирование // Евразийское научное объединение. 2021. № 1-4(71). С. 309–312.
6. Комшукова О. В. Между молотом и наковальней: позиция Конституционного Суда РФ по вопросу неприменения смертной казни // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 5(138). С. 112–133.
7. Европейский суд по правам человека // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Европейский_суд_по_правам_человека (дата обращения: 26.06.2022).
8. Бурнов В. Количество жалоб российских осужденных в ЕСПЧ снизилось на 30 % – Минюст // РАПСИ. 2021. 12 марта. URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20210312/306848621.html (дата обращения: 26.06.2022).
9. Трифонова Е. Российского аналога ЕСПЧ не будет // Независимая газета. 2021. 4 марта. URL: https://ng-ru.turbopages.org/ng.ru/s/politics/2021-03-04/1_8096_analogue.html (дата обращения: 06.06.2022).
10. Трифонова Е. Отечественный аналог ЕСПЧ вряд ли возможен // Независимая газета. 2022. 16 марта. URL: https://www.ng.ru/politics/2022-03-16/3_8392_analogue.html (дата обращения: 06.06.2022).

References

1. Inshakov, S. M. 2021, *Fundamentals of the theory of national security*, Knorus, Moscow.
2. Galuzin, A. F. 2012, 'Legal and penitentiary security. Correlation of concepts', in A. F. Galuzin, R. A. Romashov (eds), *Legal security in the penitentiary system: Understanding,*

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

structure, provision: *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*, pp. 34–42, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara.

3. Rybina, p. 2022, Network: “*It’s just hell!*” – *Ukraine released criminals from prisons*, viewed 27 February 2022, <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/News/3518878.html> .

4. Sokirko, V. 2022, ‘Why Kiev mobilizes prisoners into the army’, *Gazeta.ru*, 28 February, viewed 28 February 2022, <https://www.gazeta.ru/army/2022/02/28/14584591.shtml>.

5. Uporov, I. V. 2021, ‘Employment of persons sentenced to imprisonment in Russian penitentiary institutions before and after the collapse of the USSR: trends and legal regulation’, *Eurasian Scientific Association*, iss. 1-4(71), pp. 309–312.

6. Komshukova, O. V. 2020, ‘Between the hammer and the anvil: the position of the Constitutional Court of the Russian Federation on the non-use of the death penalty’, *Comparative Constitutional Review*, iss. 5(138), pp. 112–133.

7. ‘The European Court of Human Rights’ 2022, *Wikipedia*, viewed 26 June 2022, https://ru.wikipedia.org/wiki/Европейский_суд_по_правам_человека.

8. Burnov, V. 2021, ‘The number of complaints of Russian convicts to the ECHR decreased by 30% – Ministry of Justice’, *RAPSI*, 12 March, viewed 26 June 2022, https://rapsinews.ru/incident_news/20210312/306848621.html .

9. Trifonova, E. 2021, ‘There will be no Russian equivalent of the ECHR’, *Nezavisimaya Gazeta*, 4 March, viewed 26 June 2022, https://ng-ru.turbopages.org/ng.ru/s/politics/2021-03-04/1_8096_analogue.html .

10. Trifonova, E. 2022, ‘A domestic analogue of the ECHR is hardly possible’, *Nezavisimaya Gazeta*, 16 March, viewed 26 June 2022, https://www.ng.ru/politics/2022-03-16/3_8392_analogue.html.

Информация об авторе

В. А. Казакова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия (Московский государственный лингвистический университет); главный научный сотрудник 3-го отдела НИЦ-3 (Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России).

Information about the author

V. A. Kazakova – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of International Law and Justice (Moscow State Linguistic University); Chief Researcher of the 3rd Department of SIC-3 (All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia).

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 04.07.2022; одобрена после рецензирования 28.07.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted 04.07.2022; approved after reviewing 28.07.2022; accepted for publication 23.08.2022.